

УДК 398.22(=512.157)

Г. С. Попова

Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ
СВФУ им. М. К. Аммосова

КУЗНИЦА В ОЛОНХО «МЮЛЬДЖЮЁТ БЁГЁ» ХАНГАЛАССКОГО СКАЗИТЕЛЯ М. И. САВВИНА

Аннотация. Актуальность проблемы исследования обусловлена наблюдаемым в настоящее время духовным подъемом в эпической среде этнокультуры саха, когда наряду с ревитализацией феномена аутентичного устного сказительства начато кропотливое изучение письменных текстов эпоса олонхо с целью выявления в них целевой информации и скрытых смыслов, предназначенных предками для будущих поколений. При этом продуктивно изучение текстов олонхо не в целом объеме, как известно, огромном по своим размерам, а по фрагментам-олук, представляющим части целого. Таковой частью в нашем случае выступает фрагмент-олук олонхо «Мюльдьюёт Бёгё» («Мүлдүөт Бөҕө») хангаласского сказителя Михаила Иннокентьевича Саввина о кузнице традиционного эпического кузнеца *Кытай Бахсы Уус*, исследованный посредством методов семиотического, информационного, герменевтического анализов в культурологическом аспекте. Работа велась с опорой на ранее изученное автором множество эпических текстов, на историографическое рассмотрение научных трудов по проблеме исследования. Выявленные структурные особенности построения данного традиционного, можно сказать классического, фрагмента якутского эпоса олонхо, также особый скрытый смысл, заложенный сказителем в данный фрагмент-олук, помогли исследователю сформулировать предположительные выводы о том, что в указанной составной части-олук текста локального Хангаласского эпоса олонхо заключена основная, архиважная, судьбоносная идея эпического наследия саха о концепции воспитания мужского духа у подрастающего поколения. Логические, алгоритмически последовательные части искомой концепции изложены автором в заключении представляемой работы. В перспективе дальнейшего исследования видится сравнительное изучение подобных традиционных фрагментов-олук якутского олонхо о кузнице *Кытай Бахсы*, и на этой основе окончательное завершение выработанной Концепции воспитания мальчиков (юношей) саха с разработкой социокультурных проектов воссоздания специализированных национальных школ под названием *Уус Кытата* в наслегах исконно локального проживания этноса саха. Такие школы будут входить в триединый комплекс духовных центров якутского социума, два других компонента которых составят Дома олонхо и Дома религиозной культуры саха (Дома айыы).

Ключевые слова: эпос олонхо, текст олонхо, фрагменты текста, части-олук, традиционная эпическая кузница, кузнец Кытай Бахсы Уус, идея воспитания мужского духа, подрастающее поколение, национальная школа Уус кытата, триединый комплекс духовных центров.

G. S. Popova

The smithy in olonkho “Mulldjyot Bege” by Khangalas narrator M. I. Savvin

Abstract. The relevance of the research is due to the observed today spiritual rise in the epic environment of the Sakha ethnic culture, when along with the revitalization of the authentic verbal narrative phenomenon, a laborious study of the written texts of the olonkho epic has been started with the aim of revealing the target information and hidden meanings geared by the ancestors for future generations. Given that, the study of olonkho texts as a whole is not productive, as they are known to be enormous in size, but is better to be done by *oluk*-fragments, representing parts of the whole. That part in our case is the *oluk*-fragment of olonkho “Mulldjyot Bege” by Khangalas narrator

---

ПОПОВА Галина Семеновна – к. пед. н., доцент каф. культурологии, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М. К. Аммосова.

E-mail: gs.popova@mail.ru

ПОПОВА Galina Semyonovna – Candidate of Education, Senior lecturer, Chair of cultural studies, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East, M. K. Ammosov NEFU.

E-mail: gs.popova@mail.ru

Mikhail Innokentyevich Savvin about the smithy of the traditional epic black smith Kytai Bakhsy Uus, studied through the methods of semiotic, informational and hermeneutic analysis in the cultural aspect. The work was carried out based on the author's previously studies of numerous epic texts and the historiographical examination of academic works on the subject. Having revealed the structural features of this traditional fragment of the Yakut epic *olonkho*, as well as a special hidden meaning laid down by the narrator in this *oluk*-fragment, the researcher formulates the conjectural conclusions that this *oluk*-fragment of the text of the local Khangalas epic *olonkho* the main, overarching and fateful idea of the Yakut epic heritage on the concept of building the man's spirit in the younger generation. In conclusion, the author lists the logical, algorithmically consistent parts of the concept. As a subject of further research, one can propose a comparative study of similar traditional *oluk*-fragments of the Yakut *olonkho* about Kytai Bakhsy black smith, in order to finalize the elaborated concept of the education of boys with the development of socio-cultural projects for the reconstruction of specialized national schools called *Uus Kysata* in rural areas dominated by the indigenous Yakut population. Such schools will be part of the triune complex of the spiritual centers of the Yakut society, the other two components of which will be the *Olonkho House* and the *Sakha Religious Culture Houses*.

Keywords: *olonkho* epic, *olonkho* text, fragments of text, parts-*oluk*, traditional epic forge, forge-man Kytai Bakhsy Uus, idea of education of man's spirit, younger generation, national school *Uus Kysata*, triune complex of spiritual centers.

Введение

Олонхо «Мюльджюёт Бёгё» («Мүлдүйөт Бөҕө») хангаласского сказителя Михаила Иннокентьевича Саввина было записано в 1940-1941 гг. И. В. Охлопковым, и благодаря этому издано к празднованию Ысыаха Олонхо в Хангаласском улусе в 2014 г., и теперь якутский народ имеет счастье и возможность читать сей своего рода уникальный текст. Практическую значимость и научную ценность данной записи мы оцениваем в двух моментах. Во-первых, становится доступно исследователям выявление локальных особенностей хангаласского сказительства и хангаласских олонхо (*түөлбэ олонхо уратыллара*). Здесь мы предлагаем исследователям использовать для этого наш труд по изучению локальных традиций эпоса олонхо на примере Мегинского улуса саха [1].

Также отмечаем, что в данном тексте действительно можно найти именно хангаласские локальные особенности, потому что по сравнению, например, с верхоянскими текстами олонхо, в которых явственно отражены местные особенности, в частности, относительно описания закаливания *уһаарылыы* богатыря в кузнице, в изучаемом тексте этот фрагмент предстает в качестве уникального в своем роде *олук* [2, стр. 5595-5742].

Во-вторых, сам процесс записи И. В. Охлопкова весьма поучителен для современных исследователей, в первую очередь для фольклористов. Возможно, в свое время И. В. Охлопков мог не в полной мере представлять важность своего опыта записи олонхо, но, как предполагает В. В. Илларионов, он наверняка сделал эту запись и сдал его в архив с целью участия в объявленном в тот исторический момент конкурсе лучших записей олонхо [3, с. 12].

Как известно, конкурс этот был инициирован Д. К. Сивцевым – Суорун Омоллоон. По прошествии исторического времени, теперь можно оценивать эту работу в качестве провидческой и восхититься удачливостью и своего рода «охотничьей» удачей автора в научном поиске.

Читая текст названного олонхо, находишь удивительно красочные, неповторимые, одновременно классические типические места, эпические формульные фразеологизмы, которые подталкивают читателя к новым идеям, новым интерпретациям. Эту нашу мысль подтверждают слова В. В. Илларионова, который оценивает данное олонхо как одно из лучших, даже как самое лучшее из локальных олонхо, записанных в Хангаласском улусе. Отмечая, что по классификации Н. В. Емельянова, это олонхо следует относить к олонхо о защитниках солнечного племени и о продолжателях рода, Василий Васильевич Илларионов здесь высказывает свое особое мнение о том, что судя по тому, как тепло, заботливо и близко относится богатырь Мюльджюёт Бёгё к своей матери Кыыс Бюлгүйдээн (Кыыс Бүлгүйдээн), и как он после женитьбы поселяется на родине матери, это олонхо относится к типу олонхо о продолжателях рода по материнской линии. В этом плане сюжетная линия и описание богатырского пути в олонхо имеют множественные значительные особенности [3, с. 27].

Культурологический анализ фрагмента-олук текста локального Хангаласского олонхо М. И. Саввина о кузнице

Действительно, олонхо «Мюльджуёт Бёгё» при внимательном чтении оказывается именно таким – оригинальным, как в вышеприведенной ссылке указывает эпосовед В. В. Илларионов. К примеру, в данном олонхо находим нигде не описанный, совершенно оригинальный фрагмент-олук о кузнице *Кытай Бахсы Уус кыһата*, которую можно интерпретировать как специализированную национальную школу закаливания и пестования юношей саха. Фрагмент-олук этот достаточно большой по объему, где тщательно описана традиционная, ныне забытая технология воспитания под названием *уһуйуу*. Эта технология ныне находится под пристальным вниманием специалистов – педагогов, психологов, в т. ч. и культурологов [4, 5, 6].

Если поставить конкретную цель культурологического прочтения только одного этого фрагмента-олук, то в нем поражает оригинальность, уникальность и смысловая глубина (анализируемый фрагмент олонхо в 250 строк не приводится здесь, т. к. текст указанного олонхо еще не переведен на русский язык) [3, стр. 11346-11595].

О чем и о ком здесь говорится? По сюжетной линии читаемого олонхо до данного момента главный герой, отправляясь в путь, просит у своей матери сосать молока из ее сосцов. Как ныне считается общеизвестным, традиционно богатырь олонхо этот ритуал исполняет у духа-хозяйки местности, обитающего в теле Мирового Древа *Аал Луук мас* – у *Аан Алахчын Хотун*, которая символически выступает в роли матери-земли или же в женской ипостаси Природы. В рассматриваемом олонхо «Мюльджуёт Бёгё» мать героя вытаскивает левую грудь, и как только сын начинает сосать, бледнеет и отталкивает его от себя. Такой исключительный момент замещения *Аан Алахчын Хотун* матерью богатыря встречается крайне редко, к примеру, мы лично заметили его только в олонхо Н. А. Абрамова – Кынат «Нюргун Бёгё» («Нюргун Бөҕө») [7].

Также в изучаемом тексте мы нашли объяснение данного ритуального сосания молока из материнских сосцов: сильному богатырю *Аан Алахчын Хотун* дает сосать лишь один раз, средней силы богатырю – два раза, а слабому, еще не дозревшему богатырю – соответственно три раза. Вот таков строгий порядок и строгая логика ритуальной культуры, что отражено в данном примере из текста эпоса олонхо.

В тексте олонхо «Мюльджуёт Бёгё», судя по описанному канону, богатырь, лишь единожды приложившийся за живительным материнским молоком к груди матери, обещает быть самым сильным, что подтверждается при дальнейшем ходе сюжета олонхо. Однако по этому поводу обращения богатыря к *Аан Алахчын Хотун* у знатока и классика якутской литературы А. Е. Кулаковского находим следующее объяснение: «В сказках богатырь, надолго уезжая из родины, обыкновенно обращается к ней за советом и благословением. Богатырю, не имеющему родителей, она заменяет мать... дает сосать молока из своих сосцов, а ее молоко равносильно по благотворному влиянию волшебной жидкости – *өлбөт мөңүү уута* (живая вода)» [8, с. 42].

Здесь речь идет об *Аан Алахчын Хотун*, и мы видим, что данный ритуал с ее участием исполняют только богатыри, не имеющие собственную мать. Это значит, что мы – современные представители этноса, также и ученые – до сих пор заблуждались, считая, что ритуал сосания молока исполняется сугубо с духом-хозяйкой *Дойду иччитэ Аан Алахчын Хотун*, а к такому заблуждению нас привело то, что у большинства якутских эпических богатырей в момент отправления в путь с ними рядом не оказывается их собственной матери – как правило, эпический богатырь в момент разворачивания событий оказывается либо один-одинешенек, либо вдвоем с сестрой.

Такое ритуальное действие отправляющегося в героический путь богатыря имеет ценностный смысл и показывает кровную близость и привязанность к матери, способность матери оберегать сына от жизненных опасностей и трудностей. Одновременно он имеет и нормативный смысл – богатырь может брать от материнской природы лишь столько, сколько ему достаточно для первого этапа пути. Далее он должен сам постоять за себя и за свою родню, за свой народ, а для этого он должен пройти специальное обучение, закаливание – *уһуйуулуу*. Такое закаливание богатыря традиционно происходит в кузнице мастера *Кытай Бахсы Уус*.

В изучаемом фрагменте текста далее происходит следующее. Будущий богатырь, а в данном случае безымянный *Уол* (юноша), приходит к *Аал Луук мас* и просит у него коня, и ему

назначается годовалый жеребенок с облезлой шкурой (*таабылаах убаһа*). Каков ни есть, но у нашего путника появляется собственный транспорт, и он отправляется в труднейший путь, где преодолевает множество обязательных в таких случаях тягот. По пути он встречает мудрого старца – старика *Сээркээн Сэһэн* – и просит его указать ему дорогу. На что старик отвечает тем, что превращает юношу в восьмигранный черный железный слиток *абыс кырыылаах хара тимир болгуо* и отправляет его к кузнецу *Кытай Бахсы уус*. Как видно, это также важнейший знаковый момент. Во-первых, здесь содержится концепт народной заповеди о том, что начинающий жизненный путь юноша должен обязательно внять советам мудрых старцев. Ведь недаром у якутов бытует пословица «*Кырдыбаҕастан алгыһын (сүбэттин, үөрэбин) ыл*», гласящая о том, что молодым нужно брать совет (учение) у старшего поколения. Во-вторых, описываемый слиток в качестве знака-символа можно расшифровать следующим образом. Черный цвет сего предмета говорит о том, что абсолютно неизвестно, кто из парня в сущности получится, хотя восьмигранность его означает, что он по внешнему облику своему явно станет богатырем – *ул оҕо, эр киһи абыс кырыылааба*. Таким образом проясняется задача, стоящая перед кузнецом *Кытай Бахсы* – он должен выковать из этого слитка *тимир болгуо* совершенного внутренне и внешне настоящего богатыря. Та же трудная задача ставится перед национальной школой *Уус кыһата* и в реальной жизни.

Если заново вчитаться в данный фрагмент, то нам предстоит использовать в своем исследовании культурологический подход и проинтерпретировать смысл текста с помощью метода герменевтики, и при этом опереться на собственный ранний опыт работы [9, с. 4-18].

В изучаемый фрагмент-олук о кузнице как в текст-целое входит пять частей. В первой части эпического повествования фрагмента олонхо наш герой на своем облезлом жеребенке, преодолев все трудности, достигает поставленной старцем *Сээркээн Сэһэн* цели – добирается до места нахождения кузнеца *Кытай Бахсы уус*. При чем этот путь описывается во всех подробностях, что представляет отдельный научный интерес – сам собой готовый материал для сравнительного изучения этого важного типического места текста олонхо. Во многих олонхо наблюдается отступление от канона не только в описании данного типического места, и это требует специального изучения.

Во второй части *олук* кузнецы пытаются выплавить слиток, но все тщетно, слиток *тимир болгуо* даже не краснеет, в итоге кузнецы перестают даже приближаться к нему или же, наоборот, безоглядно набрасываются на наковальню, т. е. они абсолютно теряют свою профессиональность. Это значит, что обычными методами невозможно работать с этим материалом, и поэтому здесь требуются особый подход и особая методика и технология, что сравнимо с современными образовательными технологиями, в частности с гендерным или личностно-ориентированным подходами в культурном образовании, с технологическими школами приобщения к народным ремеслам [10, 4, 5].

В следующей части изучаемого фрагмента-олук кузнец *Кытай Бахсы* остается один, проклиная себя, произносит напоследнейшие клятвенные слова о том, что в случае неудачи, т. е. неполучения положительного результата предпринятого дела, он отказывается далее заниматься своим профессиональным ремеслом и сам себя безжалостно жестоко прокликает:

Ууллубат-уһаарыллыбат буоллаххына,

Ууспуттан олох батынабын, – сказав так, он обращается к непослушному куску железа с обычными для такого случая словами:

Абааһы буоллаххына,

Абааһыгын биллэрэ оҕус.

Айыы буоллаххына, айыыгын биллэр, – мол, дай мне понять, кто ты есть на самом деле – человек или дьявол. Т. е. здесь мы видим, что в воспитании современных юношей необходим стал весь арсенал, в т. ч. и секретный, запасенный на черный день, этнопедагогической системы культуры саха [12, 13].

Только после такой, в крайних случаях произносимой речи и тяжелейших по смыслу заклинаний кусок железа вдруг неожиданно легко плавится и становится возможным ковать его. И вот готов богатырь, твердый как закаленная сталь, и кузнецы с радостью выковывают ему все его богатырское одеяние с двенадцатью неразрывающимися швами и его полное богатырское

Рис. 1. Кузнец и его мир (Художник Т. А. Степанов)

снаряжение «до зубов». Наступает момент всеобщей радости и ликования. Число 12 здесь приводится не бессмысленно, оно как символ наверняка связано с целостной системой этнопедагогической культуры, и мы отсылаем своих читателей к нашим разработкам по этому вопросу [9, с. 84-113; 11, с. 105-112].

Мы рассмотрели четвертую часть фрагмента. В пятой заключительной части кузнецы переделывают коня – этого облезлого жеребчика, на котором юноша приехал к ним, и теперь перед нами конь красавец молочно-белой символической для саха масти. Вспрыгнув на такого коня под стать себе, выкованный, как говорится, новоиспеченный богатырь (*уһаарыллан тахсыбыт бухатыыр*) отправляется в обратный путь, где снова встречается с мудрым старцем *Сээркээн Сэһэн*, который ему назначает имя *Мүлдьүөт Бөбө*. Институт именнаяречения в эпическом тексте саха имеет строго канонизированное нормирование, и оно здесь вполне выдерживается [14].

И вот эпический богатырь полностью готов к испытаниям – у него есть конь и у него есть имя, способное заменить коня (*аат минэ*), и он, естественно, отправляется в свой первый богатырский путь, но это уже другой фрагмент-олук текста якутского эпоса *олонхо*.

Заключение

В чем заключается скрытый смысл рассмотренного *олук*? В том, что в современных условиях становится крайне сложным воспитание и поддержание мужского духа в подрастающем поколении. Поэтому всеобщей задачей становится создание такой особой национальной школы воспитания, подобного эпической кузнице *Кытай Бахсы*. На слуху метафора о кузнице кадров, которая была популярна и в советское время, но эпическая кузница *Уус кыһата* имеет более четко выраженный этнокультурный смысл, полностью доступный только саха. Здесь и технологическая сторона вопроса, и чисто педагогическая профессиональная сторона культурного образования. Задача исторического момента заключена в том, чтобы из каждого мальчика или юноши саха выковать человека саха, подобного эпическому богатырю духовно, нравственно и физически, что подразумевает его три *Кут* (дух, душу, тело). Атрибутами данной модели являются, во-первых, боевой конь, способный спасти хозяина в решающие моменты, во-вторых,

доспехи и одеяние, защищающие богатыря от телесных ран, в-третьих, напутствие-*алгыс*, даваемое ему кузнецом-мастером *Кытай Бахсы Уус*, в-четвертых, богатырское имянаречение *аат минэ*. Одновременно эти атрибуты выполняют роль и функции этнокультурных символов-маркеров, работающих на ментальном уровне.

Предстоит задача создания в каждом наследе Кузницы *Уус кыһата*, т. е. кузнечного дома *Уус Дьэйтэ*, где на практике культурного образования необходимо заниматься настоящей подготовкой-*уһуйуу* мальчиков подросткового возраста, наподобие действующего ныне в Баягинском наследе Татгинского улуса школы «Мандар кыһата» [3; 4].

Отсюда возникает идея социокультурного проекта: каждый наслед сахы должен построить у себя два Дома – два крыла этнокультуры – это, во-первых, Дом олонхо, во-вторых, Дом кузнеца, выполняющие функции школы-*кыһа*. Духовную часть воспитания мальчиков в основном призван выполнять Дом Олонхо, а материальную – Дом кузнеца *Уус Дьэйтэ*. В этих домах способен пробудиться и укорениться дух народа саха, который вживую будет впитывать в себя подрастающее мужское поколение саха. Как мы отметили, Дом кузнеца на практике действует, и нами выполнен культурологический анализ содержания его деятельности [6].

Для Домов Олонхо республиканской общественной организацией Ассоциации Олонхо разработано специальное Положение, предусматривающее содержание их социокультурной деятельности не только по возрождению эпического сказительства, но и по воспитанию подрастающего поколения в духе народных традиций [15].

Необходим по логике вещей и третий такой Дом – Дом религиозной культуры саха *Айыы Дьэйтэ*, где будет окончательно формироваться свободная творческая личность *Айыы кинитэ*. Дом *Айыы Дьэйтэ* будет векторной составляющей этого триединого комплекса и концептуально будет направлен вверх к белому свету и абсолютному духу. К примеру, такой комплекс из трех Домов можно построить в улусном центре Хангаласской земли и начать практическое изучение текста олонхо «Мюльджюёт Бөгө» своего земляка сказителя М. И. Саввина, превратив его в действенный дискурс, вызывающий общественный резонанс и побуждающий население к инновационной социокультурной проектной деятельности. Данная мера бесспорно смогла бы пробудить дух хангаласцев как исторической элиты нации саха. В условиях актуализации процесса этнокультурной самоидентификации эта мера предполагается одной из эффективных и требует к себе пристального внимания со стороны не только интеллигенции, но и руководства республики. Триединый комплекс из трех Домов духовности будет центром генерирования целостности трех *Кут* человека саха, центром энергетического подпитывания иссякающего духа национальной идентичности. Государственное решение этой проектной задачи вполне реально в наше время грантовой поддержки гражданских инициатив – это есть перспективное развитие идеи данной статьи.

Таким образом, в данной статье изложены конкретные результаты исследования одного фрагмента-*олук* о кузнице *Кытай Бахсы Уус* одного локального хангаласского олонхо древнейшего народа саха.

Литература

1. Попова Г. С., Сосина Г. А. Локальные традиции эпоса олонхо: (на примере Мегинского улуса). – Якутск: Компания «Дани-Алмас», 2013. – 144 с.
2. Худяков И. А. Хаан Дьаргыстай: олонхо. – Дьокуускай: Алаас, 2016. – 232 с. (на якутском яз.)
3. Саввин М. И. Мүлдьүөт Бөҕө: олонхо. – Дьокуускай: Бичик, 2014. – 520 с. (Саха боотурдара: 21 т. ; Т. 14). (на якутском яз.)
4. Старкова В. Н. Кут-сүр сэһэнигэр уһуйуу культурологията: дипломнай үлэ / Саха государственнай университетин культурологията кафедрата. – Дьокуускай, 2007. – 72 с. (на якутском яз.)
5. Сивцева И. А. Айылбалаһын алтыһы: Мандар сайынны оскуолатын үлэтин туһунан // «Ленский край» физико-математической форум. – Өктөм, 2005. – 48 с. (на якутском яз.)
6. Попова Г. С., Сысолятина С. В. Мандар кыһатын төрүттэрэ: монография (Рукопись). – 2016. (на якутском яз.)

